

ГУЛЯЙКИНА СВЕТЛАНА ОЛЕГОВНА

**Вариативность/инвариантность в речевых
манипуляциях персонажей сказок
(на материале английского и русского языков)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Ульяновск – 2007

Работа выполнена на кафедре лингвострановедения и коммуникации

Института международных отношений

ГОУ ВПО Ульяновский государственный университет

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Пузырёв Александр Владимирович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Слышкин Геннадий Геннадьевич

кандидат филологических наук, доцент
Алексеева Татьяна Семёновна

Ведущая организация – Институт языкознания РАН

Защита состоится "14" ноября 2007 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета КМ 212.278.04 при Ульяновском государственном университете по адресу: 432970, г. Ульяновск, ул. Набережная реки Свияги, 1, ауд. 703.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Ульяновского государственного университета (ул. Набережная реки Свияги, 40, корпус 1).

Автореферат разослан "13" октября 2007 г.

Отзывы на автореферат просьба присылать по адресу: 432970, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42, научный отдел, учёному секретарю совета.

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

СБ -

С.А.Борисова

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000404767

Общая характеристика работы

Реферируемая диссертация посвящена соотношению вариативного и инвариантного в речевых манипуляциях персонажей народных сказок на материале английского и русского языков.

Как известно, современный этап развития языкознания, как и ряда других гуманитарных наук, ориентирован на деятельность человека в окружающем его мире. На первый план выходит проблема речевого взаимодействия людей как представителей определённого социума. Внимание учёных в связи с этим переключилось с вопроса о том, как устроен язык, основное средство общения (взаимодействия) людей, на вопрос о том, как он функционирует.

Вопрос о функционировании языка тесно связан с решением проблемы речевого воздействия. Изучение речевого воздействия неразрывно связано с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в определённой коммуникативной ситуации. Наибольшее освещение в последние годы получило такое явление межличностного речевого воздействия, как манипуляция.

Некоторые аспекты языковой манипуляции как составной части манипулирования людьми уже получили своё отражение в научной литературе. Так, манипулятивное воздействие широко обсуждается в рамках межличностной коммуникации (М.Р.Битянова 2001, А.Б.Добрович 1987, 2000, Г.А.Ковалёв 1987, В.Н.Куницина 2001, Д.Майерс 1998 и др.) и массовой коммуникации (С.Г.Кара-Мурза 2001, Г.Г.Почепцов 1998, 2000, А.Н.Рубакин 1972, Г.Шиллер 1980 и др.). В работах Т.М.Николаевой (1988), Т.В.Булыгиной и А.Д.Шмелёва (1997) описываются способы и приёмы «лингвдемагогии» с целью оказания психологического воздействия. Изучению речевых манипуляций как способа оказания воздействия на человека свои работы посвятили такие авторы, как А.Н.Баранов (1990), Е.Л.Доценко (2000), Н.В.Глаголев (1986), Н.А.Купина (1995), С.А.Мегентесов, И.Мохамад (1997), Л.А.Фёдорова (1991), М.Ю.Федосюк (1997), С.Хассен (2001), Л.Ю.Веретёнкина (2004) и др.

Активное развитие межкультурных связей и сотрудничества приводит к необходимости изучения инвариантного и вариативного компонентов в речевых манипуляциях. В связи с этим перед лингвистами и психолингвистами встаёт задача исследования языковых средств, используемых манипулятором с целью воздействия на адресата, не только в какой-то одной лингвокультуре, но также в её сопоставлении с манипулятивными средствами других лингвокультур. В то же самое время проблема инвариантного и вариативного компонентов в речевых манипуляциях, как представляется, не получила должного внимания. Тем более неисследованным остался вопрос о речевом выражении манипуляций в такой разновидности прецедентных текстов, как народные сказки.

Постоянное внимание учёных к проблеме языкового выражения манипуляций и недостаточная изученность инвариантного и вариативного компонентов в речевых манипуляциях, а также отсутствие в лингвистике описания манипулятивного использования языковых единиц в фольклорном жанре сказки определяет актуальность данного исследования.

Объектом диссертационного исследования являются речевые контексты из английских и русских народных сказок, содержащие манипулятивное воздействие одного персонажа на другого.

Предметом исследования выступают инвариантные и вариативные компоненты языковых средств фонетического, морфологического, лексического, синтаксического, семасиологического уровней, используемых персонажами английских и русских народных сказок в манипулятивных целях.

В основу работы была положена следующая гипотеза: манипулятивное воздействие одного персонажа сказки на другого, независимо от языка, на котором говорит данный персонаж, обладает некоторыми инвариантными характеристиками, к которым следует отнести в первую очередь большую степень экспрессивности речи манипулятора – сравнительно с речью объекта манипуляции, а также задействованность персонажами – при осуществлении манипуляций – различных ярусов языка, среди которых синтаксический языковой ярус играет первостепенную роль. В то же самое время язык, на котором говорит персонаж, не может не влиять на речевое выражение данной манипуляции, что и обеспечивает вариативность тех или иных речевых манипуляций.

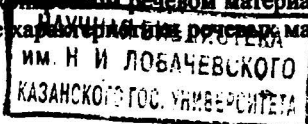
Цель исследования – выявить инвариантное и вариативное в речевых манипуляциях персонажей в народных сказках. К инвариантным характеристикам речевых манипуляций в сказках нами относятся постоянные, неизменные их качества, тогда как к проявлениям вариативности в речевом выражении манипуляций мы относим их специфические свойства, различным образом проявляющиеся в том или ином языке (в нашем материале – в англоязычных и русскоязычных сказках).

Цель исследования определяет его основные задачи:

- 1) проанализировать специфику речевых манипуляций персонажей сказок на уровнях мышления, языка, речи и коммуникации;
- 2) уточнить специфику и механизм использования языковых средств персонажами сказок при проведении той или иной манипуляции;
- 3) выявить основные свойства речевых манипуляций сказочных персонажей с точки зрения фонетического, морфологического, лексического и других ярусов языка;
- 4) определить вариативность языковых средств манипуляций сказочных персонажей, обусловленную влиянием конкретного (английского или русского) языка.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что в нём выявлены инвариантные и вариативные особенности речевых манипуляций персонажей сказок, а достоверность полученных числовых значений – при сопоставлении английских и русских сказок – выверяется «хи-квадрат» критерием. Впервые предложено последовательное теоретическое описание языковых средств разных ярусов, используемых персонажами сказок в их речевых манипуляциях.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нём формулируются и на конкретном речевом материале демонстрируются инвариантные и вариативные характеристики речевых манипуляций сказочных персо-

нажей. Проведённый в диссертационном исследовании анализ может оказаться полезным при разработке теории психологии и психолингвистики общения, при сопоставительном исследовании речевых манипуляций.

Практическая ценность настоящей работы определяется тем, что полученные результаты могут быть использованы при подготовке лекционных курсов и спецкурсов по речевому общению, психологии влияния, сопоставительной стилистике, а также при интерпретации художественных текстов.

Достоверность результатов подтверждается обширностью речевого материала (2240 реплик, используемых персонажами народных сказок в манипулятивных ситуациях общения). Всего к анализу привлечено 460 английских и 477 русских народных сказок.

Материалом исследования вариативности и инвариантности речевого выражения межличностных манипуляций послужили известные собрания народных сказок (составленные А.Н.Афанасьевым, а также такими собирателями, как J.Jacobs, G.Douglas, E.S.Sidney, E.S.Hartland, A.Lang и др.).

Цели и задачи определили выбор **методов исследования**. В работе использовались контекстуальный и стилистический анализ, описательный и сопоставительный методы, методы количественной обработки материала.

Методологической базой для данной работы служат следующие общетеоретические положения:

1) В плане общенаучной методологии манипуляция должна рассматриваться как одна из универсальных характеристик любого социума;

2) Лингвистические исследования нуждаются в разграничении уровней мышления, языка, речи и коммуникации;

3) Современные подходы к языку предполагают его изучение с точки зрения не только используемых речевых средств, но также с точки зрения взаимосвязей этих средств с различными экстралингвистическими факторами (в частности, с факторами адресата, участников коммуникации, форм и мотивов общения и т.д.);

4) Использование языковых средств во многом зависит от интенций языковой личности (в частности от того, кто является отправителем информации – субъект или объект манипуляции).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Инвариантными характеристиками речевого выражения манипуляции персонажа сказки является то, что:

1) при осуществлении сказочным персонажем той или иной манипуляции задействуются все ярусы его языковой компетенции (фонетический, морфологический, лексический, синтаксический, семасиологический);

2) при манипулятивном воздействии одного персонажа сказки на другого наиболее активными оказываются синтаксические средства языка;

3) в процессе манипулятивной коммуникации субъект и объект манипуляции в сказках неодинаково пользуются одними и теми же языковыми средствами;

4) повышение частотности использования стилистически окрашенных средств обозначает зону определённого языкового напряжения и указывает на возможность акта манипуляции.

2. К вариативным характеристикам речевого выражения манипуляций сказочных персонажей относятся различия, чаще всего обусловленные системно-структурными свойствами конкретного языка.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования излагались на Всероссийских научных конференциях: «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты» (Пенза, 2002, 2003; Ульяновск, 2006, 2007), на международной конференции «Предложение и слово» (Саратов, 2002), на рабочем совещании «Зло политическое и зло языковое» (Москва, 2003), на Всероссийской научной конференции «Речевые конфликты и проблемы современной языковой политики» (Екатеринбург, 2006). Содержание диссертационного исследования отражено в 8-ми публикациях.

Структура работы. Текст диссертационного исследования делится на введение, основную часть, содержащую две главы, заключение, списки исследованных источников и цитируемой литературы, два приложения. Приложение № 1 включает 12 таблиц обобщающего характера, отражающих количественные характеристики использования в манипуляциях конкретных языковых средств. Приложение № 2 включает контексты, содержащие различные виды манипулятивного воздействия одного персонажа на другого. Список цитируемой литературы насчитывает 236 наименований. Объём диссертации – 149 страниц.

Основное содержание работы

Во Введении обосновываются актуальность и научная новизна темы диссертации, формулируются цель и задачи работы, положения, выносимые на защиту, выдвигается гипотеза, определяются методы исследования, теоретическое и практическое значение работы, характеризуются материал и предмет исследования, определяется специфика избранной методологии исследования.

Под инвариантностью, согласно философским словарям, нами понимаются неизменяющиеся характеристики той или иной системы, свойства некоторых существенных для системы соотношений не меняться при её определённых преобразованиях, отражая неизменное и постоянное в однородных системах. Под вариативностью (от лат. «вариабельность») понимаем изменчивость, непостоянство тех или иных структур или характеристик.

В качестве методологии настоящего исследования выступает субстратный подход, предполагающий использование тетрахономии «мышление – язык – речь – коммуникация» (более подробно см.: А.В.Пузырёв 1995).

На уровне мышления – уровне полагающей рефлексии – изучаются основания предмета, в нашем материале – определённые социально-психологические предпосылки использования манипуляций (в частности – персонажами сказок), а также требования к проведению самого лингвистического

исследования, поскольку на этом уровне предполагается обращение к проблеме не только языкового, но и метаязыкового мышления.

На уровне языка – основном детерминирующем уровне – исследователь выявляет сущность изучаемого предмета. На данном уровне манипуляция выступает как такое средство языка, сущность которого состоит в обеспечении скрытого возбуждения у объекта манипуляции желания или намерения, не являющегося его собственным и, в результате, приводящего к получению субъектом манипуляции какого-то одностороннего выигрыша (житейского или психологического характера).

Исследование инвариантности и вариативности манипуляций сказочных персонажей на уровне речи предполагает использование известных методов лингвистических исследований: метод стилистического анализа, описательный метод, сравнительный метод, метод сопоставительного анализа, метод интерпретации текста и др.

На уровне коммуникации явление манипуляции рассматривается как уникально-неповторимое сочетание факторов интра- и экстралингвистического характера. Учитывая то, что на уровне коммуникации мышление, язык и речь выступают в их единстве, исследователь должен обратить внимание на уникально-неповторимые характеристики общения сказочных персонажей, на специфику проявления в этом общении тех или иных манипулятивных средств. Априори ясно, что анализ манипуляций на уровне коммуникации не может не быть чрезвычайно подробным и должен демонстрировать «штучный характер» такого подхода. Применение статистических методик на данном уровне исследования становится невозможным в принципе.

В Первой главе «Психолого-лингвистические аспекты речевых манипуляций сказочных персонажей» рассматриваются сущностные характеристики феномена манипуляции, даётся рабочее определение основного понятия. Здесь же кратко излагается история изучения манипуляций, приводятся определения используемых терминов, формулируются теоретические основания исследования инвариантного и вариативного компонентов в речевых манипуляциях на таком речевом материале, как народные сказки, обосновывается методика работы.

Настоящее исследование направлено на изучение избранного объекта с точки зрения Языка и в несколько меньшей степени на изучение с позиций конкретных языков. В связи с этим оно ориентировано, прежде всего, на инвариантные и вариативные характеристики речевых манипуляций сказочных персонажей.

В общенаучном плане манипулирование следует рассматривать как одну из универсальных характеристик любого человеческого социума (общества). Поскольку человек – существо глубоко социальное, которое «возникает и существует только во взаимодействии с другими людьми и под их влиянием» (С.Г.Кара-Мурза 2001: 11), постольку процесс взаимодействия людей предполагает оказание ими определённого воздействия друг на друга. Мишенями подобного воздействия являются прежде всего психологические характеристики

личности, в связи с чем, определяя манипуляцию как один из видов воздействия на личность, мы и говорим о психологическом воздействии.

Подводя итоги рассмотрения манипулятивного воздействия в научной литературе и учитывая материал исследования, дадим следующее (рабочее, т.е. не претендующее на окончательность) определение термину *речевая манипуляция*:

Речевая манипуляция – это вербально выраженный вид психологического воздействия одного персонажа сказки на другого, в результате чего у объекта манипуляции возникает желание или намерение, не являющееся его собственным и приводящее к получению субъектом манипуляции определённой, односторонней выгоды.

Вслед за Е.Л.Доценко полагаем, что основанием манипуляции является «манипулятивная природа социума» (Е.Л.Доценко 2000: 68), что также выступает основанием речевых манипуляций сказочных персонажей. Среди предпосылок внутриличностного порядка, способствующих проведению манипулятивного воздействия, обычно выделяются: конфликт человека с самим собой, ощущение абсолютной беспомощности, недоверие по отношению к другим людям и пр. (см., напр.: Е.Л.Доценко 2000: 63-64). Следовательно, можно утверждать, что у феномена манипуляции наряду с социальными основаниями столь же очевидно наличие психологических оснований.

Поскольку любое взаимодействие людей, связанное с общением (в том числе и манипулятивным), невозможно без языка и средств его выражения, постольку речевая репрезентация (материализация в речи) является атрибутом манипуляции как способа воздействия. Именно поэтому манипуляцию вполне возможно рассматривать не только как социальное или психологическое, но и явление социолингвистического и психолингвистического характера.

Изучая манипуляции персонажей в сказках, полагаем возможным разграничивать следующие виды манипуляций: 1) осознанные и неосознанные, 2) вербальные и невербальные, 3) успешные и неуспешные, 4) положительные и отрицательные, 5) манипуляция и актуализация. В рамках настоящего диссертационного исследования особое внимание обращается на успешные вербальные манипуляции, поскольку нами предлагается собственно лингвистический подход к изучению проблемы.

Разграничение осознанных и неосознанных манипуляций существенно только в качестве оснований исследования, но специального интереса для лингвистов не представляет (хотя может представлять интерес, например, для психологов).

Неуспешные манипуляции сказочных персонажей нами не рассматриваются потому, что в таком случае трудно говорить о мастерстве манипулятора и разрушительности его воздействия.

В то же самое время для нас представляется – при изучении конкретного речевого материала – несущественным различие манипуляций и актуализаций, поскольку их различия определяются в большей степени не вербальными, а экстралингвистическими обстоятельствами. Напомним, что актуализатор, в противоположность манипулятору, представляет собой целостную личность,

характеризующуюся такими качествами, как самооценność, открытость, честность, осознанность, свобода и т.д. (см.: Э.Шостром 1999). Различия актуализатора и манипулятора являются не столько речевыми, сколько психологическими, и поэтому данный аспект нами не рассматривается.

Бытующее иногда разграничение положительной (продуктивной) и отрицательной манипуляции нам представляется некорректным, поскольку манипуляция всегда носит отрицательный (разрушительный) характер, а иначе следует говорить не о манипуляции, а о речевом искусстве (например, беседа психотерапевта с клиентом, учителя с учеником и т.д.).

Подводя некоторые итоги рассмотрению манипуляций сказочных персонажей, мы должны заметить, что все привлекаемые нами к анализу манипулятивные высказывания полностью подпадают под определение данного феномена.

Переходя с уровня мышления на уровень языка, исследователь обязан, как уже говорилось, рассмотреть языковые предпосылки манипулирования. К ним прежде всего относятся функции самого языка – не только информирования (передачи той или иной информации), но также воздействия. Можно даже говорить о словах-манипуляторах. Если в современном языке к таким словам можно отнести слова типа *прогресс*, *демократия*, то в сказках такими словами являются слова подчеркнуто бытового характера (например, *кума*, *куманёк*, *лисонька* и т.п.)

Предпосылками манипуляций собственно языкового характера обычно называются: 1) полисемия (многозначность) языковых единиц; 2) заимствованный, научный характер языковых единиц; 3) способность выражать скрытое, имплицитное значение в речи; 4) способность функционировать в несобственном (непрямом) значении (см., напр.: А.Н.Рубакин 1972: 132; А.Д.Шмелёв 1996: 405; М.Ю.Федосюк 1988: 12; Т.В.Полетаева 2001: 78-79; Л.Ю.Веретёнкина 2004 и мн. др.).

Находясь на уровне языка, исследователь обязан различать элементы и единицы манипулятивного воздействия. Довольно часто слова, обладающие внутренним значением, часто рассматриваются как единицы лингвистического анализа. Они же выделяются многими исследователями как наиболее успешные языковые средства межличностных манипуляций (см., напр.: Н.А.Купина 1995, С.Г.Кара-Мурза 2001, С.Хассен 2001 и др.). Но действительно ли слова являются единицами манипулятивного воздействия?

Если различать элементы и единицы анализа (см., напр.: Л.С.Выготский 1982: 16, А.В.Пузырёв 2002: 51-65), то следует признать, что сами по себе слова, какими бы выразительными они ни были, должны рассматриваться как элементы манипулятивного воздействия. Единицей манипулятивного воздействия может быть принято только предложение (на уровне языка), на рассматриваемом далее уровне речи такой единицей выступает высказывание.

Во Второй главе «Вариативность/инвариантность речевых манипуляций персонажей сказок (на материале английского и русского языков)» рассматриваются вариативные и инвариантные характеристики речевого выражения манипуляций сказочных персонажей.

На фонетическом ярусе языка в качестве манипулятивных лингвистических средств отметим звуковые повторы и рифмы, что является инвариантной характеристикой для английского и русского языков. Вариативным является функционирование видов звуковых повторов: русскоязычный отправитель речи с целью создания манипулятивного воздействия склонен в большей степени к употреблению ассонанса, а англоязычный отправитель тяготеет к использованию аллитерации. В целом, применение в манипулятивных целях средств фонетического языкового уровня как англоязычными, так русскоязычными персонажами сказок способствует созданию яркого звукового образа, воздействию с его помощью на адресата и успешному проведению манипулятивного акта. Несмотря на большое количество исследованных текстов, примеров манипуляции – где активизируются средства фонетического яруса языка – нам встретилось немного. К ним могут быть отнесены случаи, например, аллитерации в английских и русских народных сказках:

«Ах ты, толстопятый медведь, и ты, косой заяц! Как была я вдовой, бывало, ни один из вас не проходил мимо моей норы, а как вышла замуж, то каждый день шляется: ишь какие дороги проторили! Смотрите, как бы вас Котай Иванович по шее не проводил!» вот, идучи дорогой, медведь и сказал зайцу: «Что, брат, у неё за муж такой – Котай Иванович? Ужли больше меня?» А заяц: «Ужли прятче меня? Пойдем-ка завтра, посмотрим на него» (из сказки «Кот и лиса»).

В приведённом отрывке из сказки «Кот и лиса» выделенные нами буквы в речи героев передают наиболее значимые фонемы высказываний сказочных героев: [ш] и [р]. Употреблённые первоначально манипулятором лисой, указанные согласные фонемы переходят в речь субъектов манипуляции – медведя и зайца. Как известно, в последствии медведь и заяц пришли к коту и лисе с подарками.

В шотландской народной сказке «The Brazen Brogues/Медные башмаки» находим следующий пример аллитерации:

«"Is that the very biggest you can make yourself?" said Gille Macdonald, not to be taken off his guard.

"Yes," said the giant, "it is, and bigger than what you've been accustomed to."

At this Gille Macdonald burst out laughing.

"You'll excuse me," said he, "but you'll be like a baby beside him, if that's all you can do."

At this the giant, in a great state of trepidation, again strode to the fireplace, and kicked the blazing logs about from one side of the hearth to the other in a most vicious manner, just to hide the fright he was now in.

"I think you had better be off at once," said he. "I wish I had never seen your ugly face." (Scottish fairy and folk tales 1901: 258).

«Это – самое большое, каким ты можешь стать?» – спросил Жиль Макдональд, не спуская с великана глаз.

«Да, – сказал великан, – и заметь, это – больше, чем то, к чему ты привык».

Услышав это, Жиль Макдональд расхохотался.

«Ты уж прости меня, – сказал он – но ты просто ребёнок в сравнении с ним, если это всё, что ты можешь делать».

При этих словах, весь дрожа, великан шагнул к камину и, чтобы скрыть нарастающий страх, он со злостью швырнул ногой пылающее полено так, что оно отлетело к другой стороне очага.

«Думаю, тебе лучше сейчас же уйти, – сказал он. – Лучше бы я никогда не видел тебя» (*Scottish fairy and folk tales 1901: 258*).

Фраза главного героя сказки – Жилия – *You'll excuse me but you'll be like a baby beside him...* содержит аллитерацию, основанную на повторении согласного [b]. Как и в тексте русской сказки, аналогичное явление встречаем в ответной реплике великана (объекта манипуляции): *I think you had better be off at once*. Считаем, что подобное сходство в употреблении указанных стилистических приёмов в англоязычных и русскоязычных примерах речевых манипуляций заслуживает отдельного, более глубокого исследования; в данной работе мы лишь констатируем наличие указанных явлений в связи с тем, что они, наряду с другими стилистическими приёмами, способны формировать манипулятивный стиль говорящего (например, персонажа сказки).

На морфологическом ярусе инвариантными свойствами обладают синонимия морфологических форм и функционирование глагольных наклонений.

Анализ использования синонимии морфологических форм с целью придания манипулятивного характера тому или иному высказыванию, показывает, что как англоязычные, так и русскоязычные субъекты манипуляций чаще употребляют просторечные формы, что несколько «сближает» их со своими жертвами; однако в английском языке наибольшую представленность морфологических синонимов обнаруживаем среди местоимений (преимущественно личных) и многофункциональных глаголов (во вспомогательной функции *could, would, have* и т.п. и в смысловоразличительной функции *to be, to do*). Приведём в качестве примера отрывок из сказки «The Tale of the Shifty Lad, the Widow's Son/Сказка о Ловком Хитреце, вдовьем сыне», в котором главный герой – the Shifty Lad (Ловкий Хитрец), ссылаясь на собственный опыт, уговаривает своего наставника (и одновременно соперника) попробовать такое увлекательное занятие, как быть повешенным:

«The Shifty Lad took the cord off his neck, and he said to the Black Rogue, "Thou thyself hast not ever tried anything that is so funny as hanging. If thou wouldst try once, thou wouldst have no more fear for hanging. I was shaking my legs for delight, and thou wouldst shake thy legs for delight too if thou wert aloft."»

Said the Black Rogue, "I will try it too, so that I may know what it is like."» (*Scottish Folk and Fairy Tales 1901: 281*).

«Ловкий Хитрец снял верёвку с шеи и сказал Чёрному Вору:

– Ты сам-то ведь никогда не пробовал ничего такого весёлого, как быть повешенным. Если бы ты попробовал хоть раз, то перестал бы бояться виселицы. Я дрыгал ногами от удовольствия, и ты бы ими задрывал от удовольствия, если бы был повешен.

Чёрный Вор сказал:

– Я попробую, чтобы знать, на что это похоже» (*Scottish Folk and Fairy Tales* 1901: 281).

В отличие от своей жертвы Хитрец (the Shifty Lad) использует следующие формы: *thou (you), thy (your), thyself (yourself), hast (has), wouldst (would), wert (were)*, которые считаются устаревшими в современном английском языке. Заметим, что в рассматриваемой сказке объект манипуляции – the Black Rogue (Чёрный Вор) – употребляет в речи привычные формы *would, were* и др., что позволяет говорить о манипулятивном речевом стиле главного героя, намеренно использующего архаичные формы личных местоимений (*thou, thy, thyself*) и вспомогательных глаголов (*hast, wouldst, wert*). Неоднократное повторение подобных форм в речи создаёт у жертвы манипуляции иллюзию того, что говорящий придерживается старых традиций не только в речевом общении, но в жизни в целом. Поддержание старых традиций часто ассоциируется с чем-то положительным, добрым (ср., например, следующие понятия: мой старый добрый друг – *a good old friend of mine*, старая добрая сказка – *a good old fairy tale*). По-видимому, на подобное ассоциирование и, как результат, доверие и душевное расположение рассчитывает главный герой сказки «The Tale of the Shifty Lad, the Widow's Son/Сказка о Ловком Хитреце, вдовьем сыне».

Синонимия морфологических форм довольно широко представлена в русском языке. В прямой речи персонажей-манипуляторов в сказках нами выявлены синонимичные варианты на уровне морфологии в именах существительных, главным образом, за счёт суффиксальных образований эмоционально-оценочного характера (например, при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов, создающих положительные коннотации: *мужичок (мужик), рыбка (рыба), куманёк (кум), головушка (голова), зайнышка (заяц)* и т.п.; а также посредством суффиксов, имеющих обратное (отрицательное) значение: *дурачина (дурак), обжорище (обжора)* и др.); в именах прилагательных – посредством прибавления префиксально (и префиксноидно) образованных форм: *превеликий, прекрасный, превысокий, тридевятый, тридесатый*, а также засчёт и суффиксальных морфем – суффиксы кратких прилагательных: *часты, светел, ретив* и др.

Среди глагольных форм наиболее употребительными, с точки зрения морфологической синонимии, являются формы прошедшего времени несовершенного вида: *слыхивал, слыхал – слышал, выдывал – видел, езжал – ездил, не бывало – не было, едали – ели*; а также настоящего времени несовершенного вида: *похваляться – хвалиться, сказывать – рассказывать, проявляться – являться* и т.п.. Данные формы более ярко подчёркивают неоднократность, длительность действия, на котором необходимо сосредоточить внимание объекта манипуляции, например:

«Вот как-то созвал царь к себе знатных и близких людей на обед; как уселись все за стол, он и говорит: «Слушайте, господа генералы и министры! Как вы думаете о моем крестнике?» – «Да что сказать, ваше величество! Мы от него не выдали ни худого, ни хорошего; одно дурно – болно хвастлив уродился. Уж не раз от него слыхивали, что в таком-то королевстве, за тридевять земель, выстроен большой мраморный дворец, а

кругом превысокая ограда поставлена – не пробраться туда ни пешему, ни конному! В том дворце живет Настасья прекрасная королева. Никому ее не добыть, а он, Иван, похваляется ее достать, за себя замуж взять».

Царь выслушал этот оговор, приказал позвать своего крестника и стал ему рассказывать: «Что ж ты генералам да министрам похваляешься, что можешь достать Настасью-королеву, а мне про то ничего не докладываешь?» – «Помилуйте, ваше величество! – отвечает Иван крестьянский сын. – Мне того и во сне не снилось». – «Теперь поздно отпираться; у меня коли похвалился, так и дело сделай; а не сделаешь – то мой меч, твоя голова с плеч!» (из сказки «Волшебный конь»).

Лингвистический анализ функционирования глагольных наклонений в речи персонажей-участников манипулятивного акта с точки зрения проявленности вариативного/инвариантного убедительно показывает, что основным наклонением, формы которого организуют большую часть речевых манипуляций, является изъявительное, что подчинено общим законам функционирования частей речи и их категорий в разговорном стиле речи (см.: О.Б.Сиротинина 1983).

Инвариантным также является то, что объект манипулятивного воздействия прибегает к средствам императива для оформления своих высказываний чаще, чем субъект манипуляции. Как известно, одной из основных черт манипулятивного воздействия является иллюзия самостоятельности в принятии решения, но такого решения, какое необходимо манипулятору, а не его жертве. В изучаемых манипуляциях сказочных персонажей субъект манипуляции психологически настраивает собеседника на возникновение определённого стремления: при помощи языковых средств в высказывание закладывается имплицитный смысл, скрытые интенции и, следовательно, побуждение к действию. Адресат, воспринимая услышанное, самостоятельно «додумывает» заложенные в него смыслы и принимает решение действовать. Интересным нам представляется тот факт, что действия объекта манипуляции имеют чёткую направленность на самого манипулятора: манипулируемый либо просит его о помощи/одолжении (например, *Ох, мужичок, положи меня в сани, закидай дровами да увяжи веревкой...; Hold my horse, please! / Подержи моего коня, пожалуйста!*), либо предлагает ему свои услуги/помощь (*Возьми, свет, мою лошадь! Take me with you, I'll help you / Возьми меня с собой, я тебе пригожусь.*), либо направляет действия манипулятора, указывает на то, что ему надо сделать (*Не плачь, ступай наряжайся да поезжай в церковь...; go into my treasury, where I keep all my money, and take as much gold or silver as you can carry... / сходи в мою сокровищницу, где я храню все свои деньги, и возьми столько золота или серебра, сколько сможешь унести...*). Употребление императива объектом манипуляции в таких случаях вполне закономерно и свидетельствует о высоком мастерстве субъекта манипуляции: его воздействие на объект не только осталось незамеченным, но, более того, у манипулируемого возникает полная уверенность в самостоятельности принятия им своего решения.

Некоторая вариативность обнаруживается в функционировании форм сослагательного наклонения: его встречаемость несколько выше в репликах англ-

логоворящего персонажа-манипулятора, который использует его качестве повелительного для успешного проведения манипуляций. Приведём пример из английской народной сказки «Molly Whipple/Молли Ваппи»:

«Molly says: "I would put you into a sack, and I'd put the cat inside wi' you, and the dog aside you, and a needle and thread and shears, and I'd hang you up upon the wall, and I'd go to the wood, and choose the thickest stick I could get, and I would come home, and take you down, and bang you till you were dead."

"Well, Molly, says the giant, I'll just do that to you."» (*Fairy Tales from England 1999: 153*).

«– Я бы посадила тебя в мешок вместе с кошкой и собакой, – ответила Молли, – а ещё сунула бы туда нитки, иголку и ножницы. Потом повесила бы мешок на стену, а сама пошла бы в лес за палкой потолще. Выбрала бы самую толстую дубинку, а дома положила бы мешок на пол и принялась бы тебя молотить, пока бы ты дух не испустил.

– Ну, что ж, Молли, – сказал великан, – так я и сделаю!» (*Сказки Британских островов т. 2 1993: 246*).

Используя формы сослагательного наклонения, Молли подробно описывает, что бы она сделала на месте великана. Выбранная главной героиней тактика приводит к успешному исходу: объект манипуляции решает чётко следовать алгоритму действий, предложенному девочкой, что впоследствии спасает ей жизнь.

Функционирование конституентов лексического языкового уровня инвариантно для обоих языков: положительно окрашенное слово придаёт положительную окраску всему предложению и, наоборот, отрицательно окрашенное – негативную (отрицательную). Примерами положительно окрашенной лексики, употребление которой призвано расположить к себе адресата могут служить: диво, чудо, водица, молодец, прекрасная (царевна), красная (девица), необычайной (красы, красоты), диковинный (товар), душечка, куманёк (куманёк-голубок, волченёк-куманёк), петушок, головушка, рыбка; *fine/ прекрасный, a little closer/чуть поближе, kind(sir)/ достойный(господин), my (lord, good mother)/мой (господин, матушка), good (mother, news, little beer, mile off)/матушка, хорошие новости, немножко пива, ещё за целую милю), great (hunter)/великий (охотник), perfectly (satisfied)/совершенно (доволен), delight/удовольствие, восторг, sweet (lady, ally)/милая (леди, дама), noble (master)/благородный, достойный(господин, хозяин).*

Вариативным в лексическом аспекте речевых манипуляций персонажей сказок является более частое использование отрицательно окрашенной лексики английским объектом манипуляции. По-видимому, данный адресат испытывает на себе определённое психологическое давление и, пользуясь лексическими средствами языка, пытается противостоять ему. Примером указанного способа функционирования отрицательно окрашенной лексики может служить отрывок из сказки «The Faithful Purse-Bearer/Честный хранитель казны»:

«"Oh, bother!" said the chief. "Cut his head off! I don't care, and I don't want proof."

"Noble master," said Ian na Sporrán, "remember you are a just man, and your wife is beautiful."

"Pest take the whole affair!" roared the chief, getting up. "I can't even have my meals in peace! I suppose, then, I must. But whoever trifles with me now is a dead man!"» (*Scottish Fairy and Folk Tales* 1901:165).

«—Чёрт возьми! — Сказал господин. — Отрубите ему голову! Мне всё равно, я не хочу никаких доказательств.

— Достопочтенный господин, — сказал Ян-на-Спорран, — помните: Вы — справедливы, а Ваша жена — красива.

— Пропави всё пропадом! — проворчал господин, вставая из-за стола. — Я не могу даже спокойно поесть! Полагаю всё же, это — мой долг. Кто бы ни играл со мной такие шутки, он — покойник!» (*Scottish Fairy and Folk Tales* 1901:165).

Умело подбирая положительно окрашенную лексику (*noble/достопочтенный, just/справливы, beautiful/красива*), Ян-на-Спорран напоминает своему господину о его долге быть справедливым к своим слугам. Господин, уже не первый раз потревоженный кознями своих подчинённых (речь идёт о неоднократных обвинениях в адрес честного хранителя казны Яна-на-Споррана со стороны его завистников), пребывает в рассерженном состоянии, что нетрудно заметить по употребляемым им словам и выражениям: «*Oh, bother!/Чёрт возьми!*», императив «*Cut his head off!/Отрубите ему голову!*», двойное отрицание «*I don't care... I don't want.../Мне всё равно, я не хочу...*» (сниженной лексикой в данном контексте являются словоформы *bother, care* и далее — *pest, (to) trifle*; негативный эмоциональный настрой выражается посредством отрицательных форм *off (Cut his head off!), don't (care, want)* и *can't (I can't even have...)*, а также за счёт усилительных слов (интенсификаторов): прилагательное *whole/всё*, частица *even/даже*, местоимение *whoever/кто бы ни*). Напоминание Яна-на-Споррана не только заставляет господина вспомнить о своих обязанностях, но и подталкивает его решительно и окончательно разобратся в происходящем, о чём свидетельствует последняя фраза объекта манипуляции: *But whoever trifles with me now is a dead man!/Кто бы ни играл со мной такие шутки, он — покойник!*

Синтаксический ярус языка демонстрирует инвариантное использование высказываний в несобственно прямом значении в народных сказках, что является ярким стилистическим и манипулятивным приёмом в речи говорящего.

Анализ высказываний выявил следующие инвариантные характеристики манипулятивных высказываний:

1) в этих высказываниях употребляются все три традиционно выделяемых типа высказываний: повествовательный (*declarative*), вопросительный (*interrogative*) и побудительный (*imperative/inducive*);

2) большую часть всех высказываний составляют собственно повествовательные предложения;

3) объект манипуляции — сравнительно с её субъектом — в среднем в два раза чаще использует собственно вопросительные предложения, тогда как

4) субъект манипуляции почти вдвое чаще, чем его жертва, прибегает к употреблению высказываний в несобственном значении: повествовательно-побудительных, вопросительно-повелительных, вопросительно-побудительных.

Приведём примеры использования предложений сказочными персонажами в несобственном синтаксическом значении:

– повествовательные предложения в значении побудительных:

"Oh, but," quoth Jack, "here's the king's son a-coming with a thousand men in armour to kill you and destroy all that you have!" / «Да, – говорит Джек, – вот приближается королевский сын во всеоружии: он хочет убить тебя и разрушить все твои владения!» (из сказки «*Jack the Giant Killer*/Джек – победитель великанов»);

«*На сто рублей не купишь*» (из сказки «*Купленная жена*»);

– вопросительные высказывания в значении побудительных:

"Would not your highness call the witness, and prove his truthfulness before condemning me?/He соизволит ли Ваша светлость позвать свидетелей прежде, чем осудить меня?" (из сказки «*The Faithful Purse-Bearer*/Честный хранитель казны»);

«*Говорит царевна: «Посмотри-ка, царь! За кого мне замуж идти: за тебя ли, старого, или за него, доброго молодца?»*» (из сказки «*Три царства – медное, серебряное и золотое*»);

– вопросительные высказывания в значении повествовательных:

"Hush! there, don't you hear that?" / «*Тише! Разве ты не слышал этого?*» (из сказки «*The Brazen Brogues*/Медные башмаки»);

«*И он, Ерш, мне рече: «Братец Осетр, коли меньшей брат ходит напередь большего?»*» (из сказки «*Сказка об Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове*»).

Утверждение о более частом использовании манипулирующими персонажами высказываний в несобственном синтаксическом значении оказывается справедливым и по отношению к модальности этих высказываний. Употребление несобственно-отрицательных и несобственно-утвердительных высказываний персонажами сказок с целью манипулирования собеседником в изучаемых лингвокультурах оказывается инвариантным. В то же самое время русскоязычные персонажи-субъекты манипулятивного воздействия чаще англоязычных используют такие конструкции, ср.: «*Да разве ты одну голову прятал в мешок?*» (из сказки «*Старая хлеб-соль забывается*»); «*Что тебе и говорить!*» (из сказки «*Морской царь и Василиса Премудрая*»).

Анализ простых высказываний с точки зрения их структуры приводит к выводу об определённой вариативности их деления на односоставные и двусоставные. В силу более строгого порядка слов в английском языке и тяготения к классической синтаксической модели – в речи англоязычных героев преобладают двусоставные, а в речевом выражении манипуляций русскоязычных героев – односоставные высказывания.

Анализ сложных высказываний в речевых манипуляциях сказочных персонажей с точки зрения типа синтаксической связи позволил выделить традиционно выделяемые 4 типа конструкций: сложносочинённые, сложно-

подчинённые, бессоюзные и полипредикативные (с различными типами связи).

Как следует из составленной (и приведённой в приложении № 1) таблицы, полученные результаты варьируются в зависимости от языка и лица, являющегося отправителем информации. Так, наиболее распространёнными в речи англоязычных участников манипуляции являются полипредикативные конструкции, т.е. сложные синтаксические конструкции, включающие более двух частей в своём составе, соединяющихся различными синтаксическими способами, причём различия субъектов и объектов манипуляций в этом отношении статистически несущественны (так, у субъекта манипуляции их – 38%, у объекта – 27%). Частотны в английском материале и сложноподчинённые высказывания (у субъекта – 32%, у объекта – 31%). В речевых манипулятивных актах русскоговорящих героев наибольшее количество составляют бессоюзные высказывания (у субъекта – 42%, тогда как у объекта манипуляции – 51%).

По-видимому, англоговорящий манипулятор следует известной английской поговорке «The end justifies the means./Для достижения цели все средства хороши». Он использует при этом все возможные синтаксические средства связи в построении высказываний, способных убедить, доказать, заставить собеседника выполнить нужные ему действия. Русскоязычный персонаж-манипулятор в большей степени предоставляет возможность реципиенту самому додумать, установить взаимосвязь и взаимозависимость услышанных фактов и затем принять «правильное» – в интересах манипулятора – решение (что, на наш взгляд и выражается в отсутствии союзной связи в сложных предложениях).

В силу строгого прямого порядка слов явления инверсии в английских сказках довольно редки (3,7% у субъекта манипуляции и 3,3% у объекта манипуляции), тогда как русскоязычный субъект манипуляции значительно чаще использует инверсии (в нашем материале – 29,6% от всех высказываний). Здесь просматриваются вариативные характеристики речевых манипуляций персонажей в английских и русских народных сказках.

Семасиологические языковые средства (метафоры, гиперболы, эпитеты, сравнения и т.д.), в зависимости от их функционирования в речи, могут выступать и как элементы, придающие повышенную стилистическую экспрессивность манипулятивному высказыванию, и как относительно самостоятельные единицы (собственно высказывания), обладающие большей – в сравнении с другими языковыми средствами – стилистической экспрессивностью. Речевое выражение семасиологических средств требует отдельного, более глубокого, на наш взгляд, исследования, но это не входит в задачи данной работы.

При переходе на уровень коммуникации важно помнить, что коммуникация – это «действительность языка, его актуально наличное бытие» (А.В.Пузырёв 1995: 258). На этом уровне исследователь неизбежно сталкивается с понятием языковая личность. Под языковой личностью в работе понимается прежде всего реально существующий человек, создающий в процессе общения уникально-неповторимый коммуникативный акт. По словам Т.Ю.Тамерьян, «языковая личность познаёт, отображает, оценивает и информирует о конкрет-

ном фрагменте реальной действительности. В понятие языковой личности включается не только языковая компетенция и определённые знания, но и интеллектуальная способность создавать новые знания на основе накопленных с целью мотивации своих действий и действий других языковых личностей» (Т.Ю.Тамерьян 2006: 60).

Разбирая манипулятивные акты сказочных персонажей в коммуникативном аспекте, исследователь обязан принять во внимание интенции манипулирующего, проследить набор используемых им языковых средств и их оформленность в речи, а также другие экстралингвистические факторы, определяющие поведение языковой личности в конкретной коммуникативной ситуации.

Соглашаясь с Т.Г.Винокур, отметим, что речевое поведение – это «совокупность речевых поступков, с внутриязыковой стороны определяемое закономерностями употребления языка в речи, а с внеязыковой – социально-психологическими условиями осуществления языковой деятельности» (Т.Г.Винокур 1993: 12). К внеязыковым (экстралингвистическим) факторам формирования речевого поведения, образующим национальное своеобразие речевого поведения, относят: географическое положение, исторические факты, социальные явления, обычаи, нравы и т.п.

В качестве конкретных речевых манипуляций в диссертации рассматриваются контексты английских (точнее – британских) и русских народных сказок. Приведём пример из русской народной сказки «Белая уточка»:

«Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось – такая простая, сердечная! «Что, – говорит, – ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду пошла, тоску размыкала, голову простудила». Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: по саду походить не беда, и пошла. В саду разливалась ключевая хрустальная вода. «Что, – говорит женщина, – день такой жаркий, солнце палит, а водица студеная – так и плещет, не искупаться ли нам здесь?» — «Нет, нет, не хочу!» – а там подумала: ведь искупаться не беда! Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила ее по спине: «Плыви ты, – говорит, – белой уточкой!» И поплыла княгиня белой уточкой. Ведьма тотчас нарядилась в ее платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя» (Народные русские сказки т. 2 1985: 258).

Желание ведьмы занять место княгини толкает её на совершение манипуляции: она входит в доверие к объекту манипуляции, использует различные лингвистические средства с целью придания убедительности своим словам (использование однородных сказуемых, сложной синтаксической конструкции, вопросительно-побудительных предложений и др.) и добивается намеченной цели – занимает место княгини.

В Заключение приводятся выводы, следующие из проведённого исследования. Проведённое исследование подтвердило справедливость выдвинутых на защиту научных положений. Так, анализ конкретного речевого материала, включающего межличностные манипуляции персонажей в народных сказках, подтвердил, что одной из инвариантных характеристик осуществления манипуляций является задействованность всех ярусов языковой компетенции личности

(фонетический, морфологический, лексический, синтаксический, семасиологический ярусы). К инвариантным качествам манипулятивных высказываний сказочных персонажей относится важнейшая роль синтаксических средств языка. К этим же – инвариантным – характеристикам межличностных манипуляций сказочных персонажей относится различное использование одних и тех же языковых средств субъектом и объектом манипуляции, а так же то, что повышение частотности использования стилистически окрашенных средств обозначает зону определённого языкового напряжения и указывает на возможность акта манипуляции. Проведённый анализ подтвердил справедливость предположения о том, что к вариативным характеристикам речевого выражения манипуляций относятся различия, чаще всего обусловленные системно-структурными свойствами конкретного (английского или русского) языка.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях соискателя:

1. Синенкова С.О. Слова-сигналы манипуляций // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 3-ей Всероссийской научной конференции (Пенза, 13-17 мая 2003 г.). – М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ППТУ имени В.Г.Белинского; Администрация г. Пензы, 2002. С. 112-113.

2. Синенкова С.О. Слова-сигналы манипуляций (на материале русского и английского языков) // Предложение и Слово: Межвузовский сборник научных трудов. / Отв. ред. Э.П.Кадькалова. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. С. 770-773.

3. Синенкова С.О. Речевые манипуляции российского политического истеблишмента // Зло политическое и зло языковое: материалы рабочего совещания / Под ред. В.Н.Базылева. – М.: МАКС-Пресс, 2003. С. 24-25.

4. Гуляйкина С.О. Элементы и единицы манипулятивного воздействия (на материале английского и русского языков) // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 3-ей Всероссийской научной конференции (Пенза, 13-17 мая 2003 г.). – М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ППТУ имени В.Г.Белинского; Администрация г. Пензы, 2003. С. 81-87.

5. Гуляйкина С.О. Языковое выражение манипулятивного и неманипулятивного поведения (на материале пилотажного исследования английских и русских народных сказок) // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 6-ой Всероссийской научной конференции (Ульяновск, 17-20 мая 2006 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.; Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, Институт международных отношений, 2006. С. 116-123.

6. Гуляйкина С.О. Манипуляция как способ поведения в потенциально конфликтной ситуации (на материале английских и русских народных сказок) // Российская научная конференция «Речевые конфликты и проблемы современной языковой политики». – Екатеринбург: Уральский государственный университет имени А.М.Горького, 2006. С. 16-18.

7. Гуляйкина С.О. Методологические основы исследования языкового выражения манипуляций в английских и русских народных сказках. // Язык и

мышление: Психологические и лингвистические аспекты. Материалы VII-ой Международной научной конференции (Ульяновск, 16-19 мая 2007 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.; Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, 2007. С. 72-79.

8. Гуляйкина С.О. Высказывание как единица межличностной манипуляции (на материале английских и русских народных сказок) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. №5. (39): Аспирантские тетради: Научный журнал. СПб., 2007. С. 83-86.

ГУЛЯЙКИНА СВЕТЛАНА ОЛЕГОВНА
Автореферат
(на правах рукописи)

Подписано в печать 10 октября 2007 г.
Формат 60х84 1/16.
Бумага писчая белая. Печать методом ризографии.
Тираж 150 экз.
Усл. печ. л. – 1,2.

Отпечатано с готового оригинал-макета
В типографии «Копи-Ризо» ИП Поповой М.Г.
440600, г. Пенза, ул. Московская, 74, к. 302.
Тел. (8-412) 56-25-09.

